

М.Д. АЛЕКСЕЕВСКИЙ
(Москва)

Рассказы о причитаниях Марии Модестовны Сахаровой

По мнению К.В. Чистова, одной из отличительных черт российской фольклористики является повышенное внимание к личности носителя фольклорной традиции [Чистов 2005б]. Со второй половины XIX в. отечественными исследователями неоднократно рассматривался вопрос о соотношении коллективного и индивидуального начала в творчестве мастеров фольклорного слова: сказителей былин, сказочников, плакальщиц и т.п. [Алексеевский, Добровольская 2008]. Показательно, что ученых в первую очередь интересовал индивидуальный репертуар наиболее талантливых исполнителей, записи от которых, как считалось, имеют наибольшую художественную и научную ценность. Подобный методологический подход имел много очевидных достоинств и несколько чуть менее явных недостатков. Увлеченный поиск самых одаренных сказителей с дальнейшей публикацией и популяризацией неординарных текстов, записанных от них, приводил к тому, что и исследователи, и простые читатели не вполне адекватно представляли, какова реальная картина бытования тех или иных фольклорных жанров. Ориентируясь на «жемчужины народного творчества», исследователи забывали о «бисере», менее ярких, но более типичных текстах, которые можно было бы записать от рядовых носителей традиции.

Едва ли не самый серьезный сбой исследовательской «оптики» произошел при изучении обрядовых причитаний. Решающую роль здесь сыграл классический трехтомный сборник Е.В. Барсова «Причитания Северного края» (1872—1885), большая часть текстов в котором была записана от одного исполнителя — выдающейся вопленицы Ирины Федосовой. Публикация причитаний, собранных Е.В. Барсовым, вызвала огромный интерес к этому жанру, однако, как справедливо писал К.В. Чистов про этот сборник, «впечатление от него оказалось столь сильным, что смогло создать общее деформированное представление о причитании в русской фольклористике» [Чистов 1997: 413]. Другие собиратели, пытавшиеся после выхода книги Барсова записывать народные причитания, ориентировались на плачи Федосовой как на образец.

Так были открыты еще две «великие вопленицы» Русского Севера — Н.С. Богданова и А.М. Пашкова. В то же время записи и публикации причитаний от рядовых воплениц долгое время были редки, хотя в 1922 г. М.К. Азадовский настаивал на том, что методологически важно записывать тексты и от «плохих исполнительниц» [Азадовский 1922: 32]. Следует констатировать, что этот призыв не был в полной мере учтен в отечественной фольклористике: публикаций причитаний рядовых воплениц до сих пор крайне мало, в результате чего исследователи имеют довольно расплывчатое представление о повседневном бытовании русских обрядовых причитаний и о динамике жанра в XIX—XX вв.

Другой серьезной проблемой для современной фольклористики является недостаточное внимание собирателей прошлого к контексту фольклора. Долгое время с момента возникновения дисциплины фольклорные тексты считались главной ценностью и основным, а часто и единственным предметом изучения. Восприятие фольклора как «народной словесности» замыкало науку о нем в кругу филологических дисциплин. В результате многие поколения собирателей записывали лишь фольклорные *тексты*, уделяя минимум внимания как личности исполнителя, так и контексту бытования.

Казалось бы, обрядовый фольклор, тесно связанный с другими элементами обряда, буквально вынуждает исследователя учитывать эти связи при сборе и обработке материала. Однако и здесь обрядовым причитаниям сильно не повезло. Дело в том, что причитания (особенно похоронные) обычно записывались собирателями не в условиях живого бытования, а вне обряда, в неестественных условиях. Как правило, в такой ситуации исполнитель старается вспомнить и воспроизвести текст причитания (именно это от него требует собиратель), в то время как обстоятельства естественного бытования плача остаются незафиксированными. Приходится констатировать, что подавляющее большинство публикаций (да и архивных записей) причитаний представляет собой подборку текстов с минимальными комментариями, которые, как правило, касаются того, в какой момент обряда звучит данный текст.

Учитывая все эти факторы, автор статьи предпринял серию специальных полевых исследований, направленных на изучение похоронно-поминальных причитаний Русского Севера с упором на современное состояние традиции и контекст бытования. Исследования осуществлялись в течение нескольких лет в различных районах Русского Севера. Прежде всего, это Каргопольский район Архангельской области, где с 1993 по 2003 г. работала этнолингвистическая экспедиция лаборатории фольклора РГГУ под руководством А.Б. Мороза, а также Пудожский район Республики Карелия, где с 2003 по 2005 г. под руководством А.Л. Топоркова проводила полевые исследования этнологическая экспедиция Центра исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ, и Медвежьегорский район Карелии, где в 2005—2007 гг. работала фольклорная экспедиция Петрозаводского государственного университета под руководством С.В. Федоровой.

Специально для данного исследования был составлен отдельный небольшой вопросник «Похоронно-поминальные причитания» [Алексеевский 2008в], ориентированный на доскональную фиксацию контекста бытования жанра. В ходе использования новой программы беседа о причитаниях порой длилась больше часа: при этом информант обычно не только отвечал на вопросы собирателя, но и рассказывал истории, косвенно касающиеся темы, но крайне значимые в качестве культурного «фона» традиции. Во время исследования опрашивались не только сами плакальщицы, но и люди, которые сами не умеют причитать, но часто наблюдают, как во время обряда причитают другие. Их рассказы о причитаниях также представляют большую ценность, так как позволяют взглянуть на традицию со стороны заинтересованного наблюдателя, подмечающего такие детали, на которые сами плакальщицы часто не обращают внимания.

Методика «глубинных» интервью по достаточно узко заданной теме позволила не только выявить контекст бытования причитаний в традиционной культуре Русского Севера, но и прояснить некоторые сложные вопросы, которые давно обсуждались исследователями, а также выявить ряд интересных тенденций, связанных с современным бытованием этого жанра. Подборка расшифровок наиболее ценных интервью, а также аналитическая статья о современном бытовании похоронных причитаний на Русском Севере были опубликованы в четвертом выпуске сборника «Актуальные проблемы полевой фольклористики» [Алексеевский 2008а, Алексеевский 2008б].

В то же время публикация показала, что сами записи рассказов о причитании также нуждаются в подробном исследовательском комментарии, который редко появляется в фольклорных сборниках традиционного типа. Восполнить этот пробел может экспериментальная публикация экспедиционных записей рассказов о причитаниях с обширными комментариями, в которых совмещается и внимание к личности носителя традиции, и широкий учет контекста бытования жанра.

В качестве пробного шара вниманию читателей предлагается комментированная подборка записей, сделанных в ходе интервью с одним информантом — Марией Модестовной Сахатаровой (1933 г.р.) из деревни Ярчево Пудожского района Республики Карелия. Выбор именно этой записи не случаен. Марию Модестовну Сахатарову сложно назвать средним рядовым информантом, но и нельзя сказать, что она является выдающимся мастером причети. Необходимо обратить особое внимание на то, что М.М. Сахатарова — типичный представитель современной сельской интеллигенции, что в значительной степени повлияло на ее восприятие народной культуры. Она многие годы работала в деревенской библиотеке, много читала, поэтому пытается интерпретировать явления традиционной культуры с помощью знаний, полученных из книг. Большое значение для М.М. Сахатаровой имеет и то обстоятельство, что деревня Ярчево Каршевского сельсовета, в которой она прожила всю жизнь, является родиной А.М. Пашковой, одной из лучших воплениц Русского Севера.

М.М. Сахарова в интервью подчеркивает, что является наследницей фольклорной традиции своих прямых предков. Особенно часто она рассказывала про свою прабабушку, Пелагею Никитичну Сахарову [НФТ 2003: 258—259], которая «и былины сочиняла и всё... и причитания, вот всё это». Интеллигентная М.М. Сахарова воспринимает фольклорные тексты именно как народное творчество, с ее точки зрения, былины и причитания надо именно «сочинять».

В этом отношении показательна сама история ее знакомства с собирателем. Так, летом 2005 г. М.М. Сахарова, узнав от соседок, что один из участников экспедиции интересуется причитаниями, попросила, чтобы он зашел к ней. Накануне его визита она специально «сочинила» причитание и записала его на бумажку. Именно это сочиненное причитание и стало отправной точкой для свободного и продолжительного разговора о жанре.

Когда автор статьи беседовал с Марией Модестовной, к ней пришла группа собирателей из музея-заповедника «Кижы» во главе с начальником отдела фольклора Региной Борисовной Калашниковой. Сориентировавшись на месте, Регина Борисовна присоединилась к разговору и увлеченно задавала вопросы хозяйке дома. Собиратели, представлявшие различные исследовательские структуры из разных городов, замечательно сработались, в результате чего были получены интересные записи. К сожалению, для Регины Борисовны Калашниковой эта экспедиция оказалась одной из последних. Через несколько месяцев, в декабре 2005 г., она ушла из жизни. Ее светлой памяти посвящается эта публикация.

Представляя расшифровку записи рассказов о причитаниях М.М. Сахаровой, автор стремился сохранить логику того разговора. Для удобства восприятия текст разбит на тематические блоки, которые расставлены в том порядке, в котором велась беседа. Блоки имеют условные заголовки, которые помогают ориентироваться в комментариях. Если в расшифровке есть пропуски, они обязательно обозначены в тексте. При комментировании активно используется книга «Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии)» [НФТ 2003], где содержатся биографические сведения о тех жителях края, от которых записывались фольклорные и этнографические материалы в 1860—1980-х гг.

Запись беседы с М.М. Сахаровой

Чтение сочиненного причитания

[Мария Модестовна Сахарова пригласила собирателя к себе в гости, чтобы показать причитания собственного сочинения. Она зачитывает текст причитания по бумажке.]

Вот как я писала...

*Во веки того не водится,
Со мертвы живой не родится,*

*Он назад не возвращается,
У крылечка не встречается...*
Эт когда человек помер... Плач, плач-от у него. И вот и причитают:

*Уж не будет ли свиданьца,
На дорожиньки прощаньца
С моими родными...
Со моею родной матушкой,
Со моими... милым папушкой.
Поклонись-ка...
Наказываешь покойнику:
Поклонись-ка им низёхонько,
Передай привет высоконько,
Расскажи-ка о житье-бытье моём,
И родных, и детушек.
И за столом мы встанем сытыми,
На людях пойдём умытыми,
Мы одеты и обутые,
Трудом-работой не замучены,
Их наказы исполняем,
Письма-грамоты изучаем,
Одново лишь не хватает нам,
Ихней ласки добродетельной.
В поминанья дни и праздники
Мы вдвойне грустим-печалимся,
Зажигаем свечи яркие,
Преподносим людям сладости,
Чтоб соседушки подрядные
О них сердечно вспоминали...*

Ну там, знач, я уже потом... некогда было мне вчера это сочинять. Это просто мне сказали, что Вы придёте, дак я это... [*Вы это причитание вчера вспомнили или сложили?*] Не, я просто... Вчера вечером-то я сложила... Просто, знаете... Ну, когда человек помирает, вот чё-то хочется ему такое высказать, что сам не сможешь сделать. Ну, вот, например, я же не смогу потом уже там с папой, с мамой встретится... Ну, вот. А так я ему выплачу, выскажу всё этими... словами своими. И тогда может быть и исполнится.

Быличка о ходячем покойнике

[*А они слышат, что им говорят?*] Да. Да! Ак... когда человек помирает, он же ещё... душа-то она витает сорок дней. И он даже... Есть случаи даже, например, сорок дней праздновали, вот здесь Володя Кресцову, майор, этому... подполковником был, ак внучка ево в окошко взглянула, кричит: «Ой, бабушка! Смотри! Дедушка в окне!» Он в это... в окне показался... Видите, как бывает.

Бытование поминальных причитаний

И вот поэтому я представила, што вот, например, человек там это... И наказ, какой бы я ему наказ дала. И сочинила вчера. Так было там, не... не могла эту тетрадь найти, когда сочинялось... [*Вы и раньше причитания сочиняли?*] Ну, я сама для себя. А просто я никому ничего не говорила, а когда одна, там тоска найдёт или на кладбище приду, дак так это... поплачу, поплачу, да и всё. Што на душе наболело.

Время и место исполнения похоронных плачей

[*Говорят, бабушка у Вас причитала, правда?*] Бабушка... Это... это мне прабабушка. <...> Она сочиняла. Она и былины сочиняла и всё... И причитания, вот всё это. [*Она дома причитала или только на кладбище?*] Нет, почему? И дома, вот когда покойника везут, да дак ведь нужно же. Вот перед выносом покойника, и когда он... умытый, только на стол клали, тоже причитают. И плачут. [*Это какие-то специальные причёты были?*] А кто какие знает! Есть и... там вот по молитвам, дак есть, если специальные молитвы, так это есть, читают, што когда што...

Символика поминальных блюд

Вот и... Там и на поминках тоже, и... из... готовят там кутью, например, обязательно рис с изюмом готовят. Это уже всех... обязательно пекут и блины, и в что-нибудь или <нрзб.> да круглое. Это потому што человек, душа человеческая поднимается кверху, ближе к солнцу, это олицетворение солнца. Вот здесь блины пекут. <...>

Причины личной склонности к причитаниям

[*Вы говорили, что умение Вам от прабабушки передалось. Что именно передалось?*] Может быть. Бабушка моя же, это, сочиняла былины, да всё да... Я ещё маленькая была, когда в школе ещё училась, наверно в третьем классе начала писать эти... рассказы просто. <...> [*Вам талант передался от прабабушки или она слова причётов Вам передала?*] Не... просто такое.... Ну, желание об этом высказать. Стих такой... Плач. В тоске, боли. Для излияния души. <...> Вы знаете, когда вот считала, да вот свою родню, и у меня получилось, што уже от прошлый год шестя шесть человек с моей родни все померли. Там тётушки, дядюшки, бабушки... эта вот... все родственные родственники-то. Это может поэтому меня больше, видите, осталось желания так выплакивать. Да просто не говорю никому, просто приду там, поплачу, попрочитаю на могилке бабушки и всё... [*Вы в поминальные дни туда ходите?*] Обычно хожу...

Поверья о загробной жизни

Бабушка, моя бабушка, родная мамина мама наказывала: «Мусенька, — грит, — самый лучший подарок для родителей — ходить в <их> день рождения и в день смерти на кладбище». Вот так. В эти дни я всегда хожу. И там ещё от бывают эти шесть... А бабушка моя, моя бабушка

родная Анна Степановна... тоже она приснилась мне, во сне приснилась и сказала. Грит: «Мусенька, нас в году шесть раз домой отпускают». А в году-то шесть родительских суббот. Вот. Понимаете? И выходит, што каждую это... на родительскую субботу их отпускают домой. <...>

Талантливые плакальщицы в деревне

[*А с какого возраста начинали причитать? Девочки причитали или только взрослые?*] Наверно уже взрослые. Ну, бабушка, она старая же, бабушка моя девяносто восемь лет жила. Ну, прабабушка. [*Которая причитала и Вас наставляла?*] Да. [*А как её звали?*] Та, Пелагея Никитична, а эта, которая мне рассказывала, што шесть раз в неделю-то... Этой было восемьст пять лет, она померла. Анна Степановна Сиялякова. Мамина мама. [*Мужчины совсем никогда не причитали?*] Не знаю я этого... [*Не слышали такого?*] Не знаю, не знаю таково. Я знаю, што у нас тут скоко было тут, причитали, вот тётя Паша Стрелова очень много знала. Причитали.

Рассказ об А.М. Пашковой

[*Говорят, в Вашей деревне плакальщица Пашкова жила. Это правда?*] Вон тут дом был [М.М. Сахатарова показывает в окно] <...> [*Она тоже причитала?*] Да, у неё же есть книги там, так там есть и причита... У меня была специально книга куплена, а бабушки Ирины дала почитать, а у них потом, значит, Митя взял и всё. Не вернул. [*А как в деревне к ней относились? Гордились знаменитой землячкой?*] Дак потом соседи вспоминали с гордостью, што с этой деревни. Значит, уважали, правда? Не знаю. Так. Я дак думаю так. Раз помнят, значит уважают. Правда?

Причитания и поэтическое вдохновение

[*А как-то учились причитать или это от рождения дано?*] А мне кажетца... Не знаю. Мне кажется, што это просто даётся. Свыше. Как вот, например, я вот так могла просто... раз! Сесть и написать што-то. [*А как Вы подбирали слова для причитания? Вы похожие плачи слышали раньше?*] Просто душа! Из души идёт, и всё. Вот отсюда идёт [прижимает руку к груди], и так и говоришь [говорит нараспев]:

*Родимый батюшка, родна матушка,
Простите меня, извините меня,
Может я вас обидела,
Может я оскорбила...*

Вот, ну вот как вообще... Не знаю, как... Объяснить не могу.

Приглашенные плакальщицы

[*Если родные покойника не умеют причитать, приглашали опытных плакальщиц?*] Конечно! Мы сходили... Кто... кто мог причитать, приходили тех, кто умирал. И <нрзб.> причитали. [*Сами приходили или их приглашали?*] И приглашали, и ходили. Ну, например, если родственники там или друзья ли <покойника>, дак разве не пойдёшь? Правда?

Пойдёшь, да причитаешь. [*Чужие от своего имени приплакивают или от имени родных?*] Да, и от тех, и от других. Да я, например, вот «соседушки подрядные» <в своем причитании написала>. Видите, какое выражение, было, получилось. Не знаю даже, откуда, как... Само пришло и всё:

*Штоб соседушки подрядные
О них сердечно вспоминали...*

Вот так. Оно просто... от сердца идёт, не знаю. Мне так кажется. [*А плакальщиц приглашали потом за стол?*] Да, конечно! На поминки обязательно. <...>

Плачи по детям

[*По кому больше причитали: по родителям, по мужу, по детям?*] Не знаю, мне каж... Вот, по-мойму, наверно, знаете што... Мне... наверно, по детям. Правда? Это же дитё, в себе выношено. Особенно матерям жалко. Мне так кажется... По детям. Своё, кровное. [*А как к ним обращались? По имени?*] «Детушка божёная». А между прочим, «божёная» — это только в Пудожском районе это слово встречается. Не замечали? <...>

Обычай стеречь покойника

[*Не говорили, что с покойником всегда кто-то рядом должен сидеть?*] <...> Нет, просто штоб оставлять одного нежелательно просто, не надо оставлять одново, потому што... А так почему... [*Почему нельзя одного оставлять?*] Как душенька одна останется?! Она же ведь ещё душа-то не ушла на небеса, а тут же она присутствует. Просто невидимая. Ну, ветра мы же не видим, например, правда? Он же дует. Вот так и тут. Мёртвое тело. Тело есть тело, а душа-то она же остаётся. <...>

Благодарность гробовщикам в причитании

[*Не слышали, чтобы благодарили причитанием тех, кто гроб делал?*] Они когда причитают, плачут когда над покойником, то эти слова тоже вставляют туда. [*Благодарят гробовщиков?*] Да, обязательно. [*А не помните, как?*] Я так сразу не помню.

Причитания по почте

Я могу, Вы знаете, если Вам не срочно надо, я могу Вам потом сочинить и послать. Если Вы дадите адрес. Я могу это сделать Вам. Написать, сочинить, и в конверт кладу да пошлю. <...>

Содержание плачей

[*Опытные плакальщицы заранее сочиняли плач или прямо на месте складывали?*] Ну, дак у кого какие таланты. Могли и сразу. И бабушка моя, дак она могла и сразу. Прабабушка. Пелагея Никитична. Могли и сразу сочинять. [*А о чем приплакивали?*] Обо всём... О том... О том и о

другом. И печалились об оставшихся детушках обычно. Вот, например, мой папа когда помирал, он маме моей наказал, што: «Настенька, как не што не, а ты постарайся, штобы детей выучить». Вон. И я, например, это самое запомнила, и этих... когда вот пишу, сочиняю, вот это обязательно вставляю, што: «*Наказы твои выполняем... изучаем*».

Обращение за помощью к умершим родственникам

[*А могли, если в жизни какие-то проблемы возникли, ходить на кладбище и просить там помощи?*] Обязательно могли! Мне мама даже тоже говорила, когда умирала, грит: «Мусенька, вообще чем могу, тебе всегда помогу». У нас кода... вот четыре года или пять <лет назад> пожар-то был, трава горела, тут уже эти дома загорались, Куликовский дом, вот Мининых... А Юра тут же документы клал в карман, грит: «Ай!», махнул рукой, што ничё не будет <ничего не уцелеет после пожара>. Так я тут обращалась ко всем родителям: «Спасите вы, сохраните нашу деревеньку!»

Рассказ о пожаре 1891 года

Ведь у нас же <уже> было, што эта деревня сгорела в тыща восемьсот девяносто первом году. <...> [*А отчего?*] А коров весной выпускали... Со свечками. Женщина свечку зажгла и ушла коров выпускать. Свечка упала, дом загорелся, <нрзб.>. Вот тогда моя бабушка, моя прабабушка была написана <было опубликовано ее причитание про это событие?>. Эта... што эта женщина «*была Богу неугодная, а свеча-то недоходная*». <...> Всё, потом строили по новой деревню.

Бытование похоронных причитаний

[*Когда в доме причитают, где гроб стоит?*] Дак гроб стоит в большом углу обычно. Вот так же он [показывает рукой вдоль половиц к большому углу]. А вокруг стоят. А плакальщица рядом сидит. [*Сидит?*] Да. Сидит с левой стороны <у изголовья>. <...> [*В какой позе она сидит?*] Ну, просто сидит так... Причитывает. [*А куда она смотрит? На людей?*] Нет, на покойника. [*То есть к нему обращается?*] Да-да-да. Обращается... непосредственно к нему. [*А бывало такое, чтобы на пол бросались в рыданиях?*] Не знаю, у нас спокойно плачут. [*Спокойно?*] Слёз-то много льют. Потому што от... зависит от тово, от голоса, ещё сама <нрзб.>. Вот как если она плачет от души, где как за душу берёт, от тона от этого-самого... плача. Тут не токо слова действуют, и само причитание... [*Плакальщица сидит рядом, а где остальные?*] Дак у покойника стоят. Вокруг. Да, вокруг. [*А когда несколько плакальщиц, они по очереди подходят причитать?*] Ну, конечно... Обычно-то так. Я помню, хоронили, дак так было. Щас мало плачут. [*А в какой последовательности подходят? Сперва родственники идут? Или тот, кто лучше плачет, тот и первый?*] Тот первый. Ну. У нас тут тётя Паша ценилась, хорошо плакала, и Марья Александровна эта... Фишова. Она очень хорошо. <...>

Обычай передавать в причитании привет умершим родственникам

[А было такое, чтобы в причитании просили покойника передать привет тем, кто умер раньше?] Да как же?! Вот, например, тут я и пишу, што [берет со стола бумагу с причитанием собственного сочинения и читает]:

*И будет ли свиданьицо,
На дороженьке проща... встречаньицо,
Со моей родной матушкой,
С моим родным батюшкой...*

Мамушка, бабушка ли как... Обязательно, это всегда говорили. [А могли обращаться к уже умершим, чтобы они встретили покойника на том свете?] Не знаю, так вот когда хоронят, дак приходят на кладбище. Говорят. Слыхала. Што это: «Встречайте там... таково-то, таково-то...» [«Встречайте»?] Да. Так придёт... Ну, там по-родственному дак называли так-то... Таково-то, таково-то... Там мужа... Или зятя... Или тестя... <...>

Передача генов по наследству

[Рассказывает о своей прабабушке Пелагее Никитичне, которая знала заговоры и умела причитать, затем замечает:] Передаётся гены по наследству всякие. Кому што. И хорошие, и плохие.

Объяснение устойчивой поэтической формулы

[А почему Ваше причитание начинается со слов: «Во веки того не водится»?] «Во веки того не водится, со мертвы живой не родится». [Что это значит?] Так с мёртвого человека живой-то не будет. [Почему про это в причитании говорят?] Не знаю. Чё-то так пришло. [Смущается.] Ну, правда... Не бывает так, он же потом не придёт домой. И у крыльца не встретится.

Причитание о Ленине

[Скажите, это Вы сейчас первый раз попробовали причитание написать?] Да не! Там раньше как-то пробовала, не помню, где-то была у меня ещё тетрадка. Я даже один раз, Вы знаете, призн... сочиняла про Ленина <причитание>, почему всё как-то запало в голову. [Смеется.] Што как-то идёт чё-то лужа там <?> из-под... Владимир Ильич... Я встала потом, говорю: «Ой, <нрзб. имя>, ты подумай, што мне в голову пришла какая-то дурацкая мысль». Взяла, записала. <...> [А давно Вы начали сочинять такие причитания?] Ай! Когда как... [Вы говорили, что ещё в детстве начали писать.] Рассказы в детстве писала, а шас сочинять стала не так давно. Года за два. <...>

Бытование внеобрядовых причитаний

[А Ваша прабабушка могла не о покойнике, а о жизни своей причитать?] Мама говорит, что она причитала. [Как это происходило?] Не помню. Я же маленькая была.

Комментарии

Чтение сочиненного причитания

Причитание, которая зачитывает по бумажке Мария Модестовна, представляет особый интерес для исследователя. Нельзя сказать, что это выдающийся образец народного плача, напротив, данный текст вообще едва ли может быть назван традиционным обрядовым причитанием. Перед нами образец наивного стихотворения, которое опирается на традицию народной обрядовой лирики, содержит ряд устойчивых мотивов и эпитетов, характерных для похоронных причитаний; в то же время стихотворный размер и некоторые образы отсылают скорее к элегической литературной традиции.

Традиционные похоронные причитания обычно очень рваные по ритму, почти каждая строка заканчивается всхлипом-рыданием. В стихотворении-плаче М.М. Сахаровой довольно много ритмических сбоев, однако все они вызваны исключительно ее поэтической неопытностью. Во время записи она читала сочиненный плач очень спокойно и торжественно, общий настрой стихотворения — светлая грусть, а не отчаяние и боль утраты. Если в обычных похоронных причитаниях вдова всегда трагически описывает свое положение, высказывает свое «горюшко», то в тексте М.М. Сахаровой, напротив, описывается счастливая жизнь живых, которые «одеты и обутые, трудом-работой не замучены».

Примечательны и обстоятельства создания стихотворения. Мария Модестовна сочиняет его специально для собирателя, узнав, что тот интересуется причитаниями. Общеизвестно, что традиционные похоронные плачи, являясь импровизационным жанром обрядового фольклора, существовали исключительно в рамках самого погребального ритуала. Они создавались непосредственно в момент оплакивания покойника, поэтому «сочинение» их в свободное время специально для фольклористов — это несомненный признак разрушения традиции.

Не менее показательно и стремление сочинительницы письменно зафиксировать текст. Нам не известно ни одного свидетельства о том, что русские крестьяне в XIX — начале XX в. сами записывали свои похоронные причитания (случаи, когда они это делали по заказу фольклористов, не в счет). В отличие от лирических и календарных песен похоронные причитания не имеют устоявшейся формы, они являются импровизацией плакальщицы и каждый раз создаются заново, поэтому их не принято было записывать в тетрадки-песенники, активно функционирующие в крестьянской среде с приходом всеобщей грамотности. Однако, по нашим записям, в последние десятилетия деревенские женщины начинают записывать похоронные и поминальные плачи в тетрадки и даже переписывать их друг у друга [Алексеевский 2008а]. Как правило, письменную фиксацию причитаний осуществляют те женщины, которые сами уже не умеют причитать, однако видели, как это делают «старухи». Их стремление «сохранить» старые песни и причитания связано с тем, что в современном образованном обществе к фольклору относятся как к «ценному наследию», а не как к «пережитку прошлого», как в советские годы. Не в силах продолжить традицию, сель-

ская интеллигенция, к которой относится и Мария Модестовна, стремится хотя бы зафиксировать ее, сохранить, «сберечь для потомков». Однако письменное бытование обрядовых причитаний всё равно является явным признаком разрушения живой традиции.

М.М. Сахарова, как видно из дальнейшей беседы, считает себя хранителем фольклорной традиции своих бабушки и прабабушки, объясняет собственную склонность к литературному творчеству наследственностью. Вместе с тем она не видит принципиальной разницы между фольклором и литературой, поэтому ей кажется вполне естественным «сочинять» причитания или былины. Написанный ей похоронный плач составлен из нескольких поэтических «кирпичиков», часть которых позаимствована из местной фольклорной традиции, однако общий элегический настрой стихотворения характерен для литературной традиции, поэтому данный текст нельзя считать аутентичным обрядовым причитанием.

Во веки того не водится — Показательно, что первое четверостишие стихотворения М.М. Сахаровой является традиционной «формулой невозможного», которая типична не для похоронных, а для поминальных причитаний¹. Обычно эта широко распространенная формула завершала поминальное причитание (см., например, плачи А.М. Пашковой, П.М. Савинковой, Е.С. Журавлевой, Е.И. Тереховой, А.Г. Хмыловой, записанные в Пудожском районе в 1930-х гг. [РПК 1940: 90, 145, 156, 177, 179]). М.М. Сахарова несомненно слышала эту формулу в аутентичных плачах, однако в своем стихотворении она помещает ее в самое начало текста, что является дополнительным свидетельством ее плохого знания традиции.

Эт когда человек помер — Зачитывая текст, М.М. Сахарова несколько раз останавливается и комментирует его. Долгое время в отечественной фольклористике комментарии носителя традиции во время исполнения рассматривались как досадная помеха, мешающая записи. В данном случае комментарии не только проясняют контекст бытования, но и показывают, какую цель преследует автор в том или ином фрагменте. Например, чуть ниже Сахарова поясняет, с какого момента начинается «наказ» покойнику.

Уж не будет ли свиданьца — Следующие восемь строк являются реализацией другого устойчивого мотива — просьбы покойнику передать привет давно умершим родственникам. Этот мотив очень характерен для карельской похоронной причеты [Конкка 1992: 87–88], однако в записях русских причитаний он встречается не так часто, хотя многие носители традиции подчеркивают, что это важный элемент плача: *Наказывают* [в причитании], *там одна наказывала своему умершему мужу поклон... передать поклон. Каждый, кто умеет, так тот своё выскажет* (зап. в 1997 г. в с. Нокола Каргопольского р-на Архангельской обл. от Е.А. Капустиной, 1930 г.р.) [Алексеевский 2008б: 122]. В доступных нам текстах причитаний данный мотив реализуется сравнительно скупо: *Уж передайте поклон да человечесь-та // Да моему да мужу милому, // Да моему да сыну милому* (зап. в 1996 г. в с. Ухта Каргопольского р-на Архангельской обл. от А.К. Падчиной, 1921 г.р.)

[Алексеевский 2008б: 125]. В стихотворении М.М. Сахаровой мотив передачи приветов родным, напротив, развернут и детализован. Плакальщица просит покойника не только поклониться умершим родителям и передать привет, но и подробно рассказать о «*жизнь-бытьё моём, и родных, и детушек*». Этот мотив отражает народные представления о возможности коммуникации между миром живых и миром мертвых. Традиция в поминальном плаче на кладбище рассказывать умершим о том, что случилось в деревне за то время, пока их не было в живых, существует не только в русской, но и в карельской [ДКСК 1980: 187—188], сербской [Halpern 1981: 58—60], греческой [Caraveli-Chaves 1980: 148] традиции. Для М.М. Сахаровой, как станет понятно из дальнейшей беседы, представления о возможности коммуникации между ней и умершими родственниками крайне актуальны.

Быличка о ходячем покойнике

Рассказ о явлении умершего мужчины в день сороковин органично сочетается с представлениями о том, что покойник слышит обращенные к нему причитания. Таким образом, взаимоотношения живых и умерших оказываются актуальными и в современной деревне.

Бытование поминальных причитаний

В этом фрагменте беседы значение имеет нетипичное бытование поминальных причитаний в письменном виде. Вместе с тем М.М. Сахарова утверждает, что складывает причитания и на кладбище в поминальные дни, высказывая «*што на душе наболело*». Можно предположить, что в данном случае она не пользуется записанными текстами. Таким образом, для нее причитания одновременно бытуют в двух видах: как спонтанная устная импровизация и как «литературное произведение», которое «сочиняют» и записывают.

Время и место исполнения похоронных плачей

М.М. Сахарова, отвечая на расспросы собирателя, описывает контекст бытования похоронных причитаний. Показательно, что она сопоставляет причитания с «молитвами», которые читаются над покойником.

Символика поминальных блюд

Рассказывая по собственному желанию о местных поминальных кушаньях, М.М. Сахарова демонстрирует свою образованность, объясняя, что блины являются «олицетворением солнца». Работая в библиотеке, она несомненно читала научно-популярные книги о народной культуре. Сведения, почерпнутые из них, органично сочетаются для Сахаровой со знаниями, полученными во время жизни в деревне.

Причины личной склонности к причитаниям

Как уже отмечалось, М.М. Сахарова считает себя наследницей фольклорной традиции своих старших родственников. Поэтому она говорит о том, что ее бабушка «сочиняла былины», а сама она «в третьем классе начала

писать рассказы». Свою тягу именно к жанру причитаний М.М. Сахартова объясняет личными причинами: многие ее родные уже умерли, поэтому у нее больше «желания об этом высказаться»

Поверья о загробной жизни

Рассказывая об обычае причитать на кладбище в поминальные дни, М.М. Сахартова без дополнительных расспросов собирателя рассказывает поверье о возможности общения с умершими предками. Показательно, что это общение рассматривается как взаимное перегашивание: живые приходят в гости к умершим в день их рождения и смерти, а тех, в свою очередь, в поминальные субботы «шесть раз в году домой отпускают». В этом контексте причитание на кладбище в поминальные дни правомерно рассматривать как коммуникацию с умершими предками.

Моя бабушка родная Анна Степановна — Анна Степановна Силякова. Данный информант в книге «Носители фольклорных традиций» [НФТ 2003] обнаружен не был.

Талантливые плакальщицы в деревне

В XIX в. причитать учились с раннего детства, в поминальные дни девочки ходили на кладбище и слушали, как причитают умелые плакальщицы [Филимонов 1901: 548—549]. Неизвестный корреспондент Г.Р. Державина, приславший ему в 1810-х гг. коллекцию причитаний из Новгородской губернии, писал: «Молодые девочки заблаговременно учатся вопить, как благородные наши девицы учатся танцевать и петь. “Вопить не умеет” — такой же почти упрек, как “прясть не умеет”» [Лотман 1960: 146]. М.М. Сахартова, напротив, утверждает, что причитали только взрослые женщины. Это свидетельствует о том, что в 1940—50-е гг., на которые пришлось детство и юность Марии Модестовны, традиция обрядовых плачей уже начала разрушаться.

Та, Пелагея Никитична... — Речь идет о Пелагее Никитичне Сахартовой, 1860 г.р., от которой в 1938 и 1940 гг. в дер. Ярчево проводили записи собиратели Карельского научного центра. От нее были записаны былина, историческая песня, духовный стих и легенда. Любопытно, что в 1938 г. собиратель К.В. Чистов написал про нее в экспедиционном отчете: «Сказок и плачей не знает» [НФТ 2003: 258—259]. Судя по словам М.М. Сахартовой, ее прабабушка, напротив, была очень хорошей плакальщицей.

Тётя Паша Стрелова очень много знала — Речь идет о Прасковье Ивановне Стреловой, 1908 г.р., от которой в 1975 и 1984 гг. делали записи собиратели Карельского научного центра. Среди прочих материалов было записано и одно похоронное причитание [НФТ 2003: 274].

Рассказ о А.М. Пашковой

А.М. Пашкова (1866—1948) — знаменитая вопленица, родилась в Ярчево, родной деревне М.М. Сахартовой. Хотя Пашкова переехала в Петроза-

водск еще в 1920-х гг., впоследствии она стала настолько известной во всей Карелии, что неизбежно должна была часто обсуждаться односельчанами. Показательно, что жители деревни покупали и читали книгу про знаменитую землячку (предположительно речь идет о книге [Пашкова 1992]).

Причитания и поэтическое вдохновение

В традиционной культуре причитать должна уметь любая женщина. Однако в наши дни даже в тех районах Русского Севера, где причеть была особо развита, большинство женщин не может «плакать со словами». В результате умение причитать начинает рассматриваться как особый дар, талант, который есть не у всякого. Именно в этом ключе трактует свою способность «сочинять причитания» М.М. Сахарова.

Приглашенные плакальщицы

Существование института наемных воплениц является одним из признаков развитой плачевой традиции. Судя по всему, в условиях разрушения традиции актуальность таких плакальщиц только возросла. Если прежде причитать могла любая женщина (хотя некоторые делали это лучше прочих), то в XX в. молодые крестьянки, не умеющие причитать, вынуждены были приглашать опытных «старух».

Плачи по детям

По этнографическим данным XIX в. по детям плакали меньше всего или не плакали вовсе. Иногда даже считалось, что смерть ребенка — это «милость Божья», потому что растить много детей было очень трудно для крестьянина. Эмоциональнее всего воспринималась смерть мужа, потому что это означало потерю кормильца и тяжелое положение вдовы. Тот факт, что М.М. Сахарова утверждает, что больше всего причитали по детям, свидетельствует об изменении отношения к смерти близких родственников в современной деревне.

«Божёная» — это только в Пудожском районе это слово встречается — М.М. Сахарова не совсем права. Она верно чувствует, что это диалектизм, однако, по данным «Словаря русских народных говоров», слово «божёный» в значении 'любезный, милый, сердечный' фиксируется на территории различных районов Русского Севера (Новгородская, Пермская, Архангельская обл.) [СРНГ 1968: 62.]

Обычай стеречь покойника

Ритуальное бдение в рамках похоронных обрядов встречается у многих славянских народов [Виноградова, Гура 1995]. Обычно оно мотивируется необходимостью охранять покойника до момента погребения. На Русском Севере этот обычай встречается достаточно широко², однако его мотивировки могут быть различными. Чаще всего информанты говорят о том, что бодрствующие родственники оберегают покойника от вредоносного воздействия нечистой силы. В данном случае обряд бдения объясняется необходимостью не оставлять душу одну.

Благодарность гробовщикам в причитании

Речь идет об одном из устойчивых мотивов похоронных причитаний, который часто встречается в записях из Пудожского района (например, в плачах А.М. Пашковой [РПК 1940: 70—71]. В современных записях этот мотив встречается редко, М.М. Сахарова помнит о том, что такой мотив был, однако не может его воспроизвести.

Причитания по почте

М.М. Сахарова предлагает собирателю совсем уже необычный способ сбора причитаний. Специально для него она готова сочинить причитания, записать их и прислать по почте. Хотя собиратель оставил свой адрес, письмо с причитаниями ему так и не пришло.

Содержание плачей

В ситуации разрушения традиции большой интерес представляет запись пересказов содержания плачей. Часто информанты уже не в силах воспроизвести сам текст, однако могут выделить ключевые мотивы и общие места жанра. В данном случае М.М. Сахарова акцентирует внимание на мотиве сетования по сиротам и сопоставляет его с традицией оставлять перед смертью наказы, в том числе с просьбой позаботиться о детях.

Обращение за помощью к умершим родственникам

К.К. Логинов фиксировал на территории Заонежья обычай ходить на кладбище и просить заступничества у покойников в трудных ситуациях. Так, например, могли попросить их помочь «отсудить квартиру, дом или наказать обидчика из начальников и т.д.» [Логинов 1993: 207]. В данном случае описывается близкая практика: обращение к умершим с просьбой помочь в кризисной ситуации. Показательно, что мать М.М. Сахаровой, умирая, обещает ей оказывать помощь с того света: «*Чем могу, тебе всегда помогу*». Таким образом, можно констатировать, что представления о возможности коммуникации между живыми и умершими исключительно актуальны в современной севернорусской деревне (подробнее об этом см. [Ильина 2008]).

Рассказ о пожаре 1891 г.

Пожар в 1891 г. был столь значимым событием для жителей деревни Ярчево, что память о нем сохранилась до наших дней. Однако, судя по всему, рассказ М.М. Сахаровой основан не только на воспоминаниях пожилых односельчан, но и на опубликованном бытовом причитании А.М. Пашковой.

Эта женщина «была Богу негодная, а свеча-то недоходная» — Судя по данным книги «Носители фольклорных традиций», от П.Н. Сахаровой не записывали рассказов о пожаре. В то же время в 1975 г. рассказ «о деревне Ярчево и о пожаре» был записан от уже упоминавшейся П.И. Стреловой. При этом М.М. Сахарова цитирует отрывок из опубликованного причитания А.М. Пашковой «Потеряли мы селеньице» [РПК 1940: 96—97],

которое было посвящено пожару 1891 г. Очевидно, что М.М. Сахарова что-то напутала в своем рассказе; возможно, она ошибочно приписала причитание Пашковой своей прабабушке.

Бытование похоронных причитаний

В данном случае собиратель специально подробно расспрашивает М.М. Сахарову о контексте бытования жанра. Особое значение имеет поза плакальщицы: в данной локальной традиции женщина причитает, спокойно сидя у гроба, в то время как, например, в вологодской традиции, по свидетельству Б.Б. Ефименковой, популярен плач «со хлястанием», когда плакальщица в исступлении бросается в рыданиях на пол [Ефименкова 1980: 84]. Важно и то, что плакальщицы причитают по очереди. У других народов (например, у греков) иногда встречаются групповые причитания или взаимодействие плакальщицы с хором [Seremetakis 1991: 125].

У нас тут тётя Паша ценилась — Речь идет о Прасковье Ивановне Стреловой (см. выше).

Марья Александровна эта... Фишова — Такой информант в книге «Носители фольклорных традиций» [НФТ 2003] обнаружен не был.

Обычай передавать в причитании привет умершим родственникам

Собиратель расспрашивает информанта об устойчивом мотиве передачи приветов умершим родственникам. М.М. Сахарова не только находит этот мотив в своем собственном тексте, но и рассказывает, что могли, напротив, обращаться на кладбище к умершим родственникам с просьбой встретить нового покойника.

Передача генов по наследству

Любопытно, что свою склонность к литературному творчеству «в фольклорном духе» М.М. Сахарова объясняет наследственностью и, проявив образованность, говорит о том, что подобные таланты передаются через «гены».

Объяснение устойчивой поэтической формулы

Собиратель спрашивает М.М. Сахарову о смысле устойчивой «формулы невозможного», которую она использует в своем «причитании» (см. выше). Исполнитель не вполне осознает, что использует очень архаичный мотив обрядовой поэзии, поэтому дает прямолинейное объяснение.

Причитание о Ленине

Причитания о советских вождях активно записывались и публиковались фольклористами на рубеже 1930—1940-х гг. [Иванова 2002; Миллер 2006]. Несомненно именно эти публикации оказали влияние на М.М. Сахарову, которая, судя по всему, пыталась «сочинить причитания про Ленина» сравнительно недавно. К сожалению, М.М. Сахарова так и не смогла вспомнить, о чем был плач. Не смогла она и найти записанный текст, ко-

торый «где-то валялся». В любом случае это свидетельство о том, что и в позднесоветское (а возможно, и в постсоветское) время носители традиции по своей инициативе пытались сочинять плачи по умершим вождям, уникально. Показательно, впрочем, что сама идея такого причитания вызвала у информанта двойственные чувства (*Ты подумай, што мне в голову пришла какая-то дурацкая мысль*).

Бытование внеобрядовых причитаний

Внеобрядовые причитания существуют только на тех территориях, где плачевая традиция особо развита [Чистов 1982: 101—102]. Свидетельство о том, что П.Н. Сахарова исполняла бытовые причитания, представляет несомненную ценность.

Литература

Алексеевский 2003 — *Алексеевский М.Д.* Похоронно-поминальная обрядность // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 112—118.

Алексеевский 2007 — *Алексеевский М.Д.* Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227—262.

Алексеевский 2008а — *Алексеевский М.Д.* Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собрания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 36—45.

Алексеевский 2008б — Похоронно-поминальные причитания Русского Севера в современных записях // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 113—139.

Алексеевский 2008в — Похоронно-поминальные причитания (программа-вопросник по сбору материала) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 85—86.

Алексеевский, Добровольская 2008 — *Алексеевский М.Д., Добровольская В.Е.* От составителей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11: Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. М., 2008. С. 6—18.

Бартюкова 1994 — *Бартюкова И.Н.* Методика собрания причитаний в современности // Методические указания по собиранию фольклора. М., 1994. С. 48—55.

Виноградова, Гура 1995 — *Виноградова Л.Н., Гура А.В.* Бдение // Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 143—145.

ДКСГ 1980 — Духовная культура сегозерских карел. Петрозаводск, 1980.

Ефименкова 1980 — *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги. М., 1980.

Иванова 2002 — *Иванова Т.Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403—431.

Ильина 2008 — *Ильина Т.С.* Об одной ритуальной традиции в Оштинском погосте: фотографии умерших в красном углу (Электронный ресурс. URL: <http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=84822>).

Миллер 2006 — *Миллер Ф.* Сталинский фольклор. СПб., 2006.

Конкка 1992 — *Конкка У.С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Логинов 1993 — *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.

Лотман 1960 — *Лотман Ю.* Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г.Р. Державина // Русская литература. 1960. № 3. С. 145—150.

НФТ 2003 — Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). Петрозаводск, 2003.

Пашкова 1992 — *Пашкова А.М.* Лад да совет. Петрозаводск, 1992.

РПК 1940 — Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.

СРНГ 1968 — Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968.

Сухараско 1985 — *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.

Филимонов 1981 — *Филимонов К.Ф.* Погребальные и поминальные обряды в Ежемезерском приходе Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901. № 18. С. 548—549.

Чистов 1982 — *Чистов К.В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101—113.

Чистов 1997 — *Чистов К.В.* «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым» в истории русской культуры // Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1. С. 400—495.

Чистов 2005а — *Чистов К.В.* Исполнитель фольклора и его текст // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 134—143.

Чистов 2005б — *Чистов К.В.* Проблема исполнителя в русской фольклористике XIX—XX веков // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 144—154.

Caraveli-Chaves 1980 — *Caraveli-Chaves A.* Bridge between worlds: the greek woman's lament as communicative event // Journal of American Folklore. 1980. № 93. P. 129—157.

Halpern 1981 — *Halpern B.* Text and context in serbian ritual lament // Canadian-American Slavic Studies. 1981. V. 15. № 1. P. 52—60.

Seremetakis 1991 — *Seremetakis N.* The Last Word: Women, Death, and Divination in Inner Mani. Chicago, 1991.

Примечания

¹ Подробный анализ значения «формулы невозможного» и связанного с ней мотива оживления покойника, играющего важную роль в поминальных причитаниях, см. [Алексеевский 2007].

² Обычай «караулить покойника» также был широко распространен у карел, см.: [Сурхаско 1985: 71—73].